ТЫСЯЧА
И ОДНА НОЧЬ
18+
СЕКРЕТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Китти Бернетти
Соммер Марсден
Примула Бонд

Тысяча и одна ночь (сборник)

Серия «Секретная библиотека»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7061631
Тысяча и одна ночь (сборник): Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72356-0
Оригинал: KittiBernetti, “The Thousand and One Nights”
Перевод:
Л. И. Степанова

Аннотация

Сборник эротических новелл, которые уведут читателя в мир любви, страсти и глубоких переживаний героев. В этой книге собраны только самые достойные образцы эротической прозы! Прекрасный литературный стиль, захватывающие сюжеты способны увлечь даже самого предвзятого читателя.

Новелла «Тысяча и одна ночь»

Бриз Монаган за глаза на работе называют снежной королевой. У этой девушки нет времени ни на любовь, ни на чувства: она занята махинациями, чтобы прокормить свою семью. Владелец фирмы догадывается, что у нее есть секрет, и начинает шантажировать девушку. Пока он увлечен Бриз, ей нечего бояться…

Новелла «Не в фокусе»

Седрик Эпсон – богатый покровитель молодых и талантливых особ – заказывает у начинающего фотографа Элоизы семейный портрет. Но рабочая поездка приобретает неожиданный поворот: на загородной вилле, куда приезжает для этой работы Элоиза, царит настоящий разврат, в котором молодая девушка с удовольствием принимает участие.

Новелла «Высокая цена»

Одна случайная встреча способна изменить всю жизнь, но Кейси никогда не думала, что это может произойти именно с ней. Она одинокая вдова, которая знает цену настоящим чувствам, страданиям и не позволяет себе увлекаться мужчинами. Готова ли она сделать шаг навстречу новой любви и какой будет цена?

Читайте и наслаждайтесь книгами серии «Секретная библиотека».

Содержание

Китти Бернетти 4
Глава 1 4
Глава 2 7
Глава 3 11
Глава 4 16
Глава 5 21
Глава 6 28
Глава 7 32
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Тысяча и одна ночь (сборник)

Китти Бернетти
Тысяча и одна ночь

Глава 1

Рука Себастьяна Дарка обвила плечи конкурента и сдавила их в сокрушительном захвате. «Значит, мы договорились», – улыбнулся он улыбкой гепарда, склоняющегося над газелью, чтобы окончательно добить ее. Над верхней губой менее крупного мужчины блеснула капелька пота – в воздухе разлился аромат поражения. Себ с неудовольствием посмотрел на своего соперника.

Они боролись.

Себ победил. Он всегда побеждал.

Меньшие по размеру компании сильно рисковали, проникая на территорию его бизнеса. Они были рыбешками, заплывшими в опасные воды, где он, крупная акула, догонял и заглатывал их. Некогда это поглощение возбуждало Себа настолько, что его член набухал под элегантными брюками, приобретенными на Сэвил-Роу[1]. Теперь он нажил состояние, которое ему не удалось бы потратить и за сто жизней, и, глядя мимо побежденного противника на Лондон через огромное – от пола до потолка – окно своего шикарного зала заседаний, ему пришлось признаться самому себе, что *он скучает*.

«Спасибо, что согласились потратить свое время, господин…» – что, черт возьми, с ним произошло? Он только что купил дохлую компанию этого человека, снизив цену на пять миллионов, и не мог даже вспомнить его имя.

«Ванхоффер», – прошипел ему стоявший рядом помощник Себа, Ричард Уотерс.

«Господин Ванхоффер, мне было приятно вести с вами дела. Позвольте, я провожу вас».

Невысокий мужчина замер, как парализованный, в дверях обшитого деревянными панелями зала заседаний. Себ возвышался над ним, как башня. Положив руку ему на спину, чтобы проводить его, он отметил, что этот человек дрожит. Что это – гнев, сожаление о потере компании, которую он строил всю свою жизнь и потерял в течение часа? Себа это не беспокоило – это был его бизнес. Протокол требовал, чтобы он был великодушен по отношению к противнику, которого только что уничтожил. Дарк проводил господина Ванхоффера по кремовой ковровой дорожке к лифту, расположенному на 21-м этаже. Когда двери лифта закрылись, он с трудом подавил зевок.

Затем его взгляду предстало видение, настолько поразительно прекрасное, такое мучительно привлекательное, что он, как и другие мужчины, до этого сосредоточенно спешившие по своим делам, споткнулся, замер на месте и смотрел, не пытаясь отвести глаз. Это снова случилось – единственное, что впервые за много месяцев смогло возбудить интерес Себастьяна Дарка, вспышка, осветившая городской офисный центр, как сигнальная ракета в «ночь Гая Фокса»[2]. На ней были открытые черные лодочки на шпильках, которые лишь

---

[1] Savile row – легендарная улица в центре Лондона, известная тем, что ее наполняют ателье, производящие высококачественную одежду ручной работы.

[2] Ночь Гая Фокса – традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября. В эту ночь отмечается раскрытие Порохового заговора. Люди устраивают фейерверки и зажигают костры, на которых сжигают чучело Гая Фокса – главы заговора.

отчасти можно было считать частью делового костюма. Это были туфли с жеманными бантиками, которые вызывали желание ухватить их за острые каблучки и стянуть с ног, а затем провести пальцами по ячеистым чулкам, покрывающим ее такую белую кожу, погладить пальцы ног, ногти которых были накрашены вызывающе красным лаком.

Он задумался, осознает ли она, что, двигаясь, ставит одну ногу точно перед другой, немного покачиваясь при ходьбе, подобно Мэрилин Монро, – дразнящая походка, порождающая неотвязный образ движения вверх-вниз, как при хорошем сексе. «Да, – признал он. – Она отлично осознает это. И использует. Это дает ей власть и позволяет управлять мужчинами».

Ричард нарушил тишину. «Черт возьми! Эта девушка – просто ходячий секс. Жду не дождусь, когда эта идеальная задница прошествует мимо меня. Я бы все отдал за одну ночь с ней… Ее называют Снежной королевой, великолепной, но недостижимой». Внезапно он опомнился и бросил робкий взгляд на застывшего, как гранитный монумент, Себа. Ричард попытался перестать таращиться на девушку, но ее магнетизм неудержимо притягивал обоих мужчин. Узкая черная юбка-карандаш плотно обтягивала круглые ягодицы. За тканью строгой белой блузки пряталась грудь, соблазнительно приподнятая прижатыми к ней папками. Ее пышные округлости натягивали ткань возле верхней пуговицы, как будто норовя вырваться на свободу. И, наконец, губы, просто созданные для поцелуев… Красная помада сверкала на них, как надкушенная вишня.

Себ с интересом отметил, что она была самым сдержанным человеком, которого ему доводилось встречать. Но почему она стала такой? Что заставило ее отвернуться ото всех, сторониться офисных вечеринок, отталкивать от себя людей? Снежная королева. Впечатляюще. Сдержанная и холодная, как стальной нож для колки льда. Она же знала, что каждый мужчина в этом коридоре обращает на нее внимание. Каждая женщина зеленеет от зависти. Казалось, она играла в какую-то свою игру. Она была победительницей, так же, как и он.

Однако Себастьян Дарк был убежден, что есть одна игра, в которой она не выиграет. Дело в том, что он был намерен остановить ее. Сегодня вечером. После наступления темноты. Он готовился к этому в течение многих недель. С тех самых пор, как обнаружил, что именно она имела несравненную наглость проникать после конца рабочего дня на его территорию и бесстыдно присваивать многие тысячи, принадлежащие его компании, в течение многих месяцев умело и бесстыдно доить его фирму. Прямо у него под носом. Она была уверена, что он ничего не знает об этом.

Она приблизилась к тому месту, где стоял он, пройдя так близко, что аромат ее духов защекотал его ноздри, бросила на него взгляд из-под густых ресниц, высокомерно поправила светлую челку, а затем уловила его взгляд и внезапно споткнулась. Ее нога зацепилась за густой ворс толстого белого ковра. На долю секунды ее походка лишилась уверенности, но в тот момент, когда он поднял бровь, она уже исчезла в своем кабинете. Дверь закрылась с резким стуком, и люди, находившиеся в тот момент в коридоре, отвели от нее зачарованный взгляд. Как только она ушла, наэлектризованное напряжение исчезло, и все вернулись к своей обычной работе.

Сегодня вечером Себастьян Дарк был намерен поймать ее. Прямо на месте преступления. Сегодня вечером он собирался наказать ее. Единственный вопрос заключался в том, как это сделать? Он был намерен насладиться этим. Наслаждение… Он почти забыл, что значит это слово. Все, чего он хотел в жизни, – это успех в бизнесе. Он получал адреналин от каждой крупной сделки. Теперь у него было все – состояние, женщины, которые буквально вешались на него. Но наслаждение ушло. Он чувствовал себя невероятно опустошенным. До этого момента. Что-то зашевелилось в его сшитых на заказ брюках, спавший член у него в паху задергался и затвердел. Она очаровывала любого мужчину, который ее видел. И всех игно-

рировала. Себ улыбнулся: его Снежная королева не проигнорирует. Внезапно кровь забурлила у него в венах. Это было замечательное ощущение – он снова чувствовал себя живым.

Бриз Монаган уронила папки, которые держала в руках, и они веером разлетелись по полу. Она привалилась к стене. Если бы не ее проверенная устойчивость, она бы рухнула на пол, потому что у нее неожиданно подкосились ноги. Она больше не могла сделать ни шага.

Он знает.

Себ Дарк был тертым калачом. Он застукал ее.

Но он не мог ничего узнать! Она же была крайне осторожна. Кроме того, он занимал слишком высокое положение, чтобы хоть как-то заинтересоваться ею, временным бухгалтером, безликой канцелярской крысой. Тем не менее он напугал ее. Он смотрел на всех свысока, как орел, высматривающий добычу. А его взгляд! Опасно мужской. «Возьми себя в руки!» – она почти закричала и, поняв это, быстро зажала рот рукой. В течение многих месяцев она вела двойную жизнь, и напряжение начинало сказываться. Ей надо было уходить, как она делала во всех других местах. Но не сейчас. Ей просто необходимо было сегодня вечером закончить начатое. Она глубоко вздохнула, встала, собрала папки и расставила их по местам.

Никто не должен увидеть ее в таком состоянии. Она знала, что за глаза ее называют Снежной королевой – только так она могла защитить себя, и сейчас она сделала именно это. Сняла свою маску сдержанности. Уняла свой страх быть обнаруженной. Все, что ей было нужно, – всего лишь еще несколько тысяч. Она села за стол и пригладила свои крашеные светлые волосы. Она очень хотела вернуться к своему натуральному каштановому оттенку, быть естественной. Двойная жизнь, которую вела Бриз, начинала разъедать ее душу. Она потянула, открывая, ящик стола, сунула внутрь руку с красивым маникюром и вытащила небольшую фотографию в овальной рамке.

На ней были изображены те, для кого она все это делала. Ее мать – мягкий, сосредоточенный взгляд, но внутри – стальное ядро, точно такое же, как у Бриз. И сестра Саммер, нежная, как цветущий луг, с широко расставленными, такими ранимыми глазами. Ее тело было болезненно искривлено.

Все, что делала Бриз, она делала ради них. Она собиралась вытянуть из могучей компании Себа Дарка последние несколько тысяч, а затем исчезнуть точно так же, как она делала уже много раз… Но сначала она должна была взять деньги, а затем успеть сбежать прежде, чем ее босс с такими жестокими глазами *на самом деле* начнет что-то подозревать.

Глава 2

– Эй, мисс Монаган! – лицо охранника засветилось, как будто он ждал ее прихода. – Возвращаетесь в офис, чтобы опять работать допоздна? Знаете, вы слишком много времени отдаете этой компании. Вам надо пойти куда-нибудь развлечься вместо того, чтобы горбатиться тут за столом почти до утра.

– Вы еще никому не сказали, что я возвращаюсь по вечерам, правда, Рональд? Если кто-то узнает, что я не смогла закончить работу в течение дня, они подумают, что я некомпетентна. Это ведь наша маленькая тайна, верно?

– Конечно, мисс Монаган, ни одной живой душе!

Ей нравилась радостная улыбка Рональда. Если бы только она могла нормально попрощаться с ним! Но это означало бы раскрыть всю игру. Ворам, как и нищим, выбирать не приходится.

Двери лифта с шипением распахнулись. Лучше всего офисы смотрелись именно в это время – пустые, тихие, безопасные. Шикарный ковер заглушал стук ее каблучков. Она контролировала ситуацию. До тех пор, пока не дошла до того места, где сегодня днем стоял Себ Дарк, упершись в нее своим загадочным, непроницаемым взглядом. Она задрожала. Никогда нельзя было понять, о чем думает этот человек. Если бы он не казался настолько угрожающим, она, возможно, нашла бы его острые, высокие скулы весьма интригующими, волнистые золотистые волосы привлекательными, а широкие плечи – достойными женских фантазий. Бриз отбросила эти несвоевременные мысли – у нее была работа, которую следовало выполнить, работа, требующая от нее полной сосредоточенности.

Бриз села за стол и включила компьютер. Ей понадобилось довольно много времени, чтобы взломать хорошо защищенную бухгалтерскую систему. После этого пришлось кропотливо искать все бездействующие счета и перепрограммировать их так, чтобы поступающие на них деньги уходили на созданный ею промежуточный счет. Постепенно, потратив несколько месяцев, она осуществила свой план. Подобные инвестиционные компании ежедневно имели дело с миллионами и скрывали наличные, которые утекали по сети. Такому умному бухгалтеру, как она, нужно было всего лишь поискать эти кармашки с денежками и цапнуть их. Секрет заключался в том, чтобы не жадничать. Взять то, о чем позабыли, и сделать это своим. Сегодня вечером она собиралась выкачать зарезервированные деньги, перевести их на свой тайный оффшорный счет и скрыть все свидетельства своей незаконной деятельности. Она была очень довольна своим планом – это было творение гения. Практически невыявляемое.

Ей потребовалось два часа, чтобы выбрать все до последнего пенни, проверить и дважды перепроверить, все ли ее следы были заметены. И, наконец, ввести червя в систему учета, который стер бы все доказательства ее преступления с жесткого диска фирмы, скрывая ее действия так, как будто она повернула время вспять и ничего никогда не происходило. У нее затекли плечи, спина закаменела от напряжения. Вдруг она услышала, как в дальнем конце коридора открылись двери. Кого, черт возьми, могло принести в такое время? Она не слышала шагов – никто, кроме нее, не приходил сюда этим вечером, а сейчас дело шло к полуночи. Кто бы ни открыл ту дверь, он должен был находиться здесь все время. Желчь рванулась к горлу, вызвав сильный приступ тошноты. Она быстро выключила компьютер, схватила сумку и поднялась из-за стола, когда внезапно ручка на двери ее кабинета щелкнула и повернулась. В ночной тишине офиса этот звук прозвучал, как выстрел.

Себастьян Дарк заполнил собой весь дверной проем – сильное, мускулистое мужское тело перекрыло доступ свету, льющемуся из коридора. Она физически, как удар кулаком по груди, ощутила угрозу в его голосе.

– Похоже, вы страдаете от сильной бессонницы, госпожа Монаган!

– Я… – она пыталась взять себя в руки, но мысли бешено метались у нее в голове. – Мне нужно было закончить квартальный отчет. Я закончила и уже собиралась уходить. – Она послала ему одну из своих самых сногсшибательных улыбок и поняла, что пропала.

– Я так не думаю, госпожа Монаган. – Он приподнял одну бровь и посмотрел ей прямо в глаза. Она пыталась вдохнуть, но ей показалось, что в комнате внезапно кончился кислород. Спасения не было. Она впилась в него глазами.

– Пустите меня. Я хочу уйти.

– Вы никуда не уйдете. Если, конечно, не хотите попасть в тюрьму.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. – Она выплюнула эти слова, как загнанная в угол гремучая змея, готовая броситься на врага. Она отлично знала, что нападение – лучшая форма защиты. Это срабатывало в детстве, когда она защищала сестру от издевавшихся над ней хулиганов. Бриз вернула ему надменный взгляд – сейчас она вся, от макушки до пяток, была настоящей Снежной королевой. Она выберется из создавшейся ситуации, это просто необходимо, ведь ее мать и сестра зависят от нее. Они – единственное, что имеет значение в этом дрянном чертовом мире.

– Вы отлично понимаете, что я имею в виду. – Он вошел в комнату и резко захлопнул за собой дверь. – Вы умная женщина. И к тому же весьма привлекательная. Это отличная дымовая завеса – вы заставляете людей сосредоточиваться на вашей внешности, чтобы отвлечь их от того, что находится под ней, под всей этой косметикой и обтягивающей одеждой. Вы так же умны, как самый лучший из моих служащих, и я это знаю, несмотря на то что вы отлично спрятали свою гениальность. Дело в том, что я все время задавался вопросом – на что же вы тратите свой ум? Я всегда подозревал, что у вас есть второе дно, скрытый план. Я наблюдал за вами. И теперь поймал вас.

Он блефовал. Он понятия не имел, чем она тут занималась, более того, ей уже удалось спрятать все концы. Он опоздал буквально на пять минут. Бриз выпятила грудь и подошла к краю стола. Она не боялась его, несмотря на жестокие искры, сверкающие в его пристальном взгляде. Он был для нее лишь инструментом, позволяющим получить то, что ей было необходимо, – деньги, на которые будут жить два человека, чьи жизни зависели от нее, единственные, кого она когда-либо любила. Тем не менее ее руки оставили неприятные пятна пота на столе.

– Вы ничего не сможете доказать. – Ей пришлось сильно напрячь и вытянуть шею, чтобы при своем росте в сто пятьдесят семь сантиметров вглядеться в его серые с серебристыми искорками глаза, взгляд которых, казалось, проникал в самую душу.

– Возможно, нет, а возможно, да. – Фраза повисла в воздухе. Он играл с нею, как кошка с мышкой.

– Если вы не сдвинетесь в сторону и не пропустите меня, я закричу и позову на помощь.

– Вот как? – уголок его рта дернулся в кривой усмешке. Похоже, он счел это забавным. Он явно наслаждался игрой. В эту секунду она почти презирала его.

– Я закричу, что вы меня насилуете. Я порву на себе одежду, расцарапаю лицо и пройдусь ногтями по вашей свежевыстиранной белой рубашке. Так что оставьте меня в покое!

Она двинулась вперед, намереваясь пройти мимо него, и тогда он схватил ее за руку. В его взгляде смешались самые разные чувства. Среди них явно проглядывало презрение, но было и что-то еще. Что именно? Желание? Раньше она никогда не замечала у него ничего подобного и даже ощущала к нему крошечную каплю уважения, поскольку он был единственным мужчиной в здании, который не пожирал глазами блондинистую секс-бомбу – образ, на создание которого она потратила столько усилий. Ей казалось, что он был роботом, машиной для создания денег, лишенной интереса к противоположному полу, а оказалось, что здесь было даже нечто большее, чем просто вспышка страсти. Это был спящий вулкан.

Ей не понравилось ни то, ни другое. Его пристальный взгляд прошелся по ее груди, задержавшись на жарко запылавшей коже. Затем он дерзко поднял руку и провел ею по блузке, от груди вниз. Когда рука Себастьяна огибала ее грудь, она почувствовала, что у него очень твердые пальцы, а ладонь совсем холодная. Ее сердце предательски заколотилось, оно забилось так неистово, что ей пришлось признать – помимо обуревавшего ее гнева, она ощутила и некий всплеск влечения.

– Можете кричать так громко, как вам захочется, – он придвинулся ближе, и дыхание, вырывавшееся у него, когда он произносил эти слова, защекотало ее ухо. Она смогла ощутить его запах: аромат лимона, кожи и власти. – Я не только знаю, что именно вы тут делали, у меня есть записи, полученные в течение многих недель с помощью установленной здесь скрытой камеры, показывающие, что отображалось на мониторе вашего компьютера. На пленке зафиксировано каждое действие, которое вы производили. Мне не понадобится никаких других доказательств. Так что, госпожа Монаган, даже если вы стерли память у всех компьютеров в моей фирме, это не будет иметь значения, потому что я уже поймал вас. – Он принялся гладить и мять ее грудь, с удовлетворением замечая, как она возбужденно взлетает и опадает при дыхании. – Я застукал вас с поличным. Как крысу в ловушке. Вы в моих руках, нравится вам это или нет.

Она хотела ударить его, страстно желая убить. Как он смеет так оскорблять, даже осквернять ее, как он смеет хвататься за то, что ему не принадлежит, как он смеет ласкать и гладить ее так, что у нее скрутило живот и в промежности стало влажно. Она открыла рот, чтобы осыпать его ругательствами, и снова уловила в его глазах вспышку горячего желания. Жажда, потребность, голод. Для женщины с проигрышным раскладом на руках это могло оказаться козырной картой. Он чего-то хотел, иначе почему он сразу же не вызвал полицию?

И тут он отпустил ее и освободил дверной проем.

– Не стесняйтесь, идите, если хотите.

Она почти побежала к выходу и лишь затем осознала, что он предложил это только потому, что знал – это не выход из сложившейся ситуации.

– Еще увидимся.

Ублюдок.

– Чего, черт возьми, вы хотите?

Он спокойно подошел к стоявшему у стола кожаному креслу, сел и положил ноги в туфлях ручной работы на ее стол. Казалось, его ноги заняли почти всю столешницу.

– Развлечься.

Она прищурилась и посмотрела на него.

– Вы с ума сошли. Похоже, все богатые, влиятельные и успешные мужчины немного психи.

– Возможно, вы правы, – насмешливо ухмыльнулся он. – Мне действительно нужно было бы просто выставить вас вон. Вы обкрадывали меня в течение многих месяцев. Но я не могу вас раскусить. Вы заинтриговали меня. Не слишком сильно – выкиньте из головы глупые женские мысли о том, что я увлечен вами или даже влюблен в вас, хотя, не сомневаюсь, многие мужчины уже стали жертвами вашего очарования. Тем не менее вы действительно заинтересовали меня. – Он медленно наклонил голову, и она ощутила его гипнотическое влияние. Его низкий голос рокотал, как прибой – ему не нужно было напрягаться, достаточно было просто негромко скомандовать, все, кто слышали его, сразу же подпадали под притягательную власть тембра его голоса, даже если до этого они ненавидели его всей душой и неистово желали ему сдохнуть на месте.

– И мне нужно развлечься. Знаете, мне наскучили все другие виды охоты. У меня есть огромный банковский счет. К тому же в конце месяца мне исполняется 30 лет. Эта цифра тревожит меня, потому что я всю жизнь занимался только работой, я делал деньги – по 24

часа в день и так все 29 лет. Потом и кровью я достиг всего, чего хотел в жизни. Я могу получить любую женщину, какую только захочу, но проблема в том, что мне нужно нечто совсем другое. И вы обеспечите мне это. Вы будете заниматься со мной любовью, и это будет самое насыщенное, самое невероятное сексуальное переживание, какое только женщина может обеспечить мужчине. Такое, чтобы я захотел снова вернуться к вам, ожидая еще большего. Вы будете делать так каждую неделю в течение месяца, по крайней мере, до тех пор, пока мне не исполнится 30. Вы будете моим подарком на день рождения. Возможно, тогда – и только тогда – я сочту, что вы выплатили свой долг.

– Но я… – ее слова повисли в тишине. Ей была невыносима мысль стать его шлюхой.

Он поднял руку.

– Я не желаю слышать ваше «нет». Я хорошо разбираюсь в людях, госпожа Монаган, и понял, что вы не похожи на других женщин. Вы слишком холодная, держите всех на расстоянии, этакая вещь в себе. По каким-то причинам вы слишком многое скрываете о себе, и хотя я убежден, что мог бы пригласить на обед любую женщину в этом здании, а потом затащить ее в постель, я знаю, что не могу купить вас. Но, пытаясь украсть у меня деньги, вы преподнесли мне себя на блюдечке. На этой визитной карточке есть мой личный номер телефона. Придумайте нечто чертовски удивительное, госпожа Монаган. Или, может быть, теперь, когда мы немного лучше знаем друг друга, я могу называть вас Бриз? Позвоните мне завтра в любое время и скажите, где и когда вы собираетесь развлекать меня. И помните: я ел во всех лучших ресторанах, останавливался в лучших отелях мира. Мне это больше не интересно. Чтобы взволновать меня, нужно что-то иное. И лучше, если это вам удастся, или, я клянусь, – я вдребезги разнесу всю вашу жизнь, и ее осколки разлетятся прямо у ваших прелестных сексуальных ножек.

Он встал, игнорируя ошеломление, вызванное его возмутительным предложением, и бросил ей свою визитную карточку так, как будто бросал нищему мелкую монету.

– Вы, должно быть, слышали о Шехерезаде и ее тысяче и одной ночи. Вы будете моей собственной Шехерезадой. Вы стали играть в опасную игру против одного из самых сильных игроков, и теперь пришло время платить. Доброй ночи.

Глава 3

Бриз натянула прозрачные черные чулки на гладкие бедра и прикрепила их к изумрудно-зеленому поясу. Зеленый шелковый треугольник скрыл темную поросль между ногами, выдававшую естественный цвет ее волос. Немного духов Chanel, и она аккуратно уложила свою большую грудь в бюстгальтер, который только поддерживал ее, не стесняя. Это был очень дорогой комплект белья, нежность шелка и тугая плотность пояса для чулок сразу же пробудили в Бриз чувственность, заставляя ее двигаться томно, как большая кошка. С Себастьяном Дарком шутить не следовало.

До нее дошло немало историй о его жестокости, она знала, что он требовал безупречного исполнения своих обязанностей от всех, с кем работал, и она должна была обеспечить это, поскольку понимала, что в противном случае Себ Дарк отправит ее в тюрьму и выбросит ключ от камеры. Ее мать и сестра остались бы в одиночестве. Она ни за что не могла подвести их, ведь и без того в их жизни было слишком много страданий. Она была их единственной отдушиной в этом жестоком мире. Так что если необходимо сделать что-то, она это сделает.

Бриз натянула облегающую, как перчатка, узкую юбку – она прекрасно подчеркнула все соблазнительные изгибы и выпуклости – и завершила образ плотно обтягивающим джемпером в рубчик, который сидел на ней, как вторая кожа. Закончив одеваться, она вспомнила телефонный разговор с Себом, который состоялся этим утром.

– Итак, где у нас будет встреча? – его голос звучал вяло: видимо, еще не до конца проснулся и лежал в постели. При мысли о его узких бедрах и том, что нежится между ними, Бриз напряглась.

– У моря. В Брайтоне.

К ее удивлению, он засмеялся. Прежде она никогда не слышала, чтобы он смеялся.

– Побережье. Ну, по крайней мере, это что-то новенькое. Я не был там с тех пор, когда был еще мальчишкой. – Его голос по телефону был пропитан резкой, мрачноватой чувственностью.

– Мы сядем на поезд, я забронировала билеты. Я встречу вас в вагоне на станции «Виктория».

Она говорила отрывисто, строго и деловито. Бриз знала, что он собирался возразить, предложить, чтобы они воспользовались его машиной с шофером, но нет – она собиралась заставить миллиардера согласиться на ее предложение, а кроме того, у нее были планы на эту поездку на поезде. Так что она быстро сообщила номер зарезервированного места и, не давая ему шанса что-либо сказать, повесила трубку. Вот так-то! Она улыбнулась – ей удалось зацепить его.

Когда она шла по платформе в туфлях на высоких каблуках, люди оборачивались ей вслед. Возможно, ей не повезло в жизни, у нее был эгоистичный, безответственный отец, но внешность ей досталась что надо – она везде притягивала к себе взгляды людей. Бриз не выставляла напоказ ни одного кусочка обнаженной плоти, теплый короткий жакет плотно покрывал верх ее тела, но нижняя часть в обтягивающей юбке буквально гипнотизировала мужчин. Она нашла Себастьяна – он сидел один в купе, рассчитанном на шесть человек. Бриз вошла в вагон всего за минуту до отправления поезда – она сознательно явилась так поздно. Она хотела заставить его понервничать, хотела, чтобы он начал пытаться разгадать ее тайный план. В этом вагоне не могло оказаться других людей – она скупила все шесть билетов.

Она отметила, что до того момента, когда Себастьян заметил ее приближение, он спокойно сидел, прикрыв глаза. Бриз открыла дверь, вытянула ногу, собираясь шагнуть внутрь,

и в этот момент уловила, как дрогнули его веки, когда над верхним краем ее чулка сверкнула полоска белой кожи.

– Вы подгадали свой приход в самый последний момент, не так ли? – Он сидел как на иголках – именно этого она и добивалась.

– Я все сделала вовремя.

Поезд двинулся, устремляясь в вечерний закат, сияющий над Темзой, и они были одни – всю эту получасовую поездку они были совершенно одни. Поездка не была долгой, но было достаточно времени, чтобы разогреть Себа. Она была закуской, Брайтон же был основным блюдом.

Поезд начал набирать скорость. Сняв жакет, Бриз внутренне улыбнулась, заметив, как расширились глаза Себа, когда он увидел ее тело – идеальные песочные часы, скрытые под тонким джемпером. Он завозился на сиденье. Бриз провела руками по бедрам – ей нравилось ощущение прикосновения к своему телу. Да, он принудил ее, но тем не менее ей хотелось управлять ситуацией самой. Ее привлекала перспектива сделать своим рабом невероятно лощеного красавца, возможно, самого влиятельного человека в городе, особенно человека с таким упорным, пристальным взглядом, как у крупного дикого хищника.

Бриз бросила на него взгляд из-под длинных ресниц.

– Наверное, в этом пальто жарко, почему бы вам не снять его?

Он сделал то, что она сказала, и бросил пальто рядом с собой. Под мерный стук колес поезд упорно двигался вперед, навстречу разгорающимся вечерним огням лондонского пригорода.

– Расслабьтесь. – Он снова сделал то, что она ему сказала. Воздух в вагоне потрескивал от напряженности, он был насыщен ароматом его лосьона после бритья, пряного, древесного, стопроцентно мужского. Ей понравился его костюм, лаконичный и отлично сшитый.

– Вы, надеюсь, не будете возражать, если я сниму это? – Она надула губки и, извиваясь, начала выбираться из джемпера – она использовала это действие для того, чтобы пряди ее великолепных волос падали на грудь, готовую выскочить из сковывавшего ее шелковистого лифчика, демонстрируя роскошную ложбинку.

– И эта юбка слишком узкая для того, чтобы чувствовать себя достаточно комфортно. – Едва заметная улыбка слегка приподняла уголок ее рта, когда она заметила, что Себ невольно облизал губы. Он сделал это так, как будто ощущал жажду, умирал от голода, и в этот момент она спросила себя – сколько же времени прошло с тех пор, как он в последний раз чувствовал сексуальное возбуждение? Он ведь сказал, что она его заинтересовала, а женщины, готовые вешаться на него, ему уже надоели.

Наверное, он долгое время был, пусть довольно безжалостным образом, тесно привязан к ней, следя за ней в течение многих недель, даже месяцев, пока она кружила вокруг его офиса? Планировал ли он оказаться настолько близко, выслеживая ее, выжидая время для нанесения решающего удара? Проигрывал ли он в своем воображении подобный момент, когда сидел в полном одиночестве в апартаментах своего пентхауса?

Возможно, он наслаждался охотой, старательно отдаляя развязку, чтобы получить максимальное удовольствие, и это развлекало его, а теперь настал момент, когда охотник наносит жертве последний удар? Эта мысль взволновала ее, посылая импульс ожидания в укромное место в верхней части ее стройных ног.

Бриз встала перед ним и потянула юбку вверх, так, что та собралась неаккуратными складками над бедрами, открыв зеленые шелковые трусики, верхний край тонких прозрачных чулок, плотно стягивающий тело пояс с подвязками. Затем она развернулась, и в этот момент поезд тряхнуло. Она покачнулась и упала, растянувшись, на сиденье напротив Себа – это обеспечило ему отличную возможность полюбоваться ее округлыми ягодицами, соединенными крошечным зеленым треугольником трусиков, острие которого было направлено

в его сторону. Поезд остановился напротив ряда прижавшихся друг к другу зданий, причем купе оказалось достаточно близко к домам, так что люди могли увидеть все, что происходило внутри. Когда Бриз обернулась, чтобы взглянуть на Себа, она потрясенно поняла, что они наблюдают за ними. Мужчина, который как раз потянул занавеску, закрывая окно, замер, зачарованно глядя на лежащую лицом вниз Бриз и Себа, который теперь сидел на краю дивана, поглощенный открывшейся перед ним картиной. На ее ногах, разбросанных в стороны, как стороны равнобедренного треугольника, по-прежнему красовались туфли на высоких каблуках – для Себа это оказалось слишком притягательным призывом. Не в силах больше сдерживаться, он соскользнул вперед, встал на колени, провел руками по кожаным туфлям, а затем медленно, задержавшись на ее бедрах, посмотрел на мужчину, завороженно глазевшего в окно, и стянул зеленые шелковые трусики.

За Бриз никогда раньше не подсматривали, и ее реакция удивила, даже поразила ее. Внезапно она ощутила колоссальное возбуждение в животе из-за того, что кто-то смотрел, как опытные пальцы Себа, лаская, начали исследовать ее набухшую розовую промежность. Какими скучными были все ее предыдущие сексуальные приключения! Она всегда старалась держать людей на расстоянии, никогда не позволяя мужчинам подобраться к ней слишком близко, хотя многие и пытались это сделать. И теперь, когда Себ вынудил ее взять на себя роль сексуальной соблазнительницы, возникла угроза, что он всколыхнет нечто, что было похоронено в потаенных глубинах ее души. Бриз чувствовала, как внутри ее тела разгорается безрассудная чувственность. Она была словно кошка, извивающаяся от страсти, распахнувшая огромные изумрудные глаза, ритмично вытягивающая и втягивающая когти на лапках. Кто бы мог подумать, что женщина с таким самообладанием, как у нее, будет способна устроить настоящее шоу для совершенно незнакомого мужчины, так раскрыться, выставить на обозрение тому, кого она почти не знала, свои женские соблазнительные тайны? Но она контролировала ситуацию, в которой ей пришлось оказаться, и это доставляло ей удовольствие.

Бриз была совершенно готова, и когда Себ сильными движениями гладил и мял ее мягкую и набухшую плоть, могла даже ощутить мускусный аромат собственной влаги. Внезапно до нее донесся свой невольно вырвавшийся стон.

– Пожалуйста, медленнее, – попросила она. – Увлажните пальцы, сделайте так, чтобы я увлажнилась целиком, поиграйте со мной.

Можно ли было утверждать, что она отдавала Себастьяну Дарку, самому богатому, самому влиятельному человеку из всех, с кем она когда-либо сталкивалась, приказы? Тем не менее ее напористость разожгла его. Кроме того, ей нечего было терять. Он приказал ей доставить ему удовольствие, и это позволило ей открыть для себя скрытые глубины собственной сексуальности. Она выгнулась, поднимая ягодицы выше, и приподнялась, когда его пальцы скользнули в ее чудесную влажную глубину. Кожа на ягодицах ощущала его горячее дыхание. Его прикосновения были восхитительными, исследующими, долгими, удовлетворенными. Он ввел палец в глубь ее тела, используя в качестве смазки ее собственные соки, помогая ее приятному увлажнению. Оглянувшись, она увидела, что он вызывающе смотрит на невольного зрителя, изумленно наблюдающего за ними, плотно прижавшего лицо к стеклу, чтобы не упустить ничего из того, что происходит в купе.

В то время, пока они оба наблюдали за мужчиной, безуспешно пытающимся подобраться поближе к ним, запертым в стеклянную клетку, Бриз чувствовала, как Себ холодной рукой ласкает ее ягодицы, приподнимая их. Когда она ощутила, как его язык, теплый, скользкий, нетерпеливый, голодный, опустился в ее расселину, она заскулила. Он стал жадно упиваться ею, облизывать, ласкать языком ее розовую плоть. Это ощущение было прекрасным, невероятным, великолепным. Ни один мужчина никогда не набирался наглости приблизиться к ней настолько близко. Непристойность этого действа заставила ее выгнуть спину,

выпрямить колени и начать противиться ему, двигаться самой вверх и вниз, в едином ритме с погруженными внутрь нее пальцами.

Мужчина, прижавшийся к окну, открыл его и теперь отчаянно высовывался наружу, чтобы не упустить ни мгновения. Бриз увидела, что он расстегнул молнию на брюках и вытащил свой член, но поезд тронулся и покатился по рельсам. Из ее горла вырвался низкий смех – соглядатай пропустил самое главное: она чувствовала, она совершенно точно знала, что очень скоро Себ приведет ее к этому волшебному месту, о котором она только читала, и лишь теперь ей выпал шанс побывать там. Его прикосновения было такими искусными, такими продуманными, она точно знала, что его пальцы, которые начали двигаться все быстрее и быстрее, обязательно приведут ее туда. Она ухватилась за грубую ткань, покрывавшую сиденье в купе, ощущая, как поезд качается взад и вперед, чувствуя, как его вибрация передается через ее колени, бедра прямо в мягкую сердцевину ее промежности. Раз за разом каждый участок плоти, который облизывал и исследовал язык Себа, дарил великолепные, невероятные ощущения, настоящие волны экстаза. Он действовал внутри нее, доводя ее до пика, заставляя ее увлажняться, и в какой-то момент она услышала, как он негромко спросил: «Ты готова? Ты готова к тому, чтобы я заставил тебя кончить?» О боже, готова ли она? Сейчас она была более готова, чем когда бы то ни было, ничто и никто не заставил бы ее хотеть этого так, как сейчас. Она ощущала такую потребность кончить, что ей казалось, она взорвется, если он не доведет ее конца.

– Да, да, – выкрикивала она под стук колес поезда, не имея больше сил сдерживаться. Он быстро поднялся с коленей, не отрываясь от нее, обхватил ее напряженные груди, его пальцы скользнули вниз спереди. Там он сразу же нащупал болезненно набухшую почку, которая просто кричала от желания ощутить его пальцы. Как ювелир, шлифующий драгоценный алмаз, он положил мягкую подушечку большого пальца на ее болезненно чуткий клитор, одновременно направляя прямой вытянутый палец в глубь ее влагалища, и начал совершать синхронные толчки, сводящие ее с ума. Бриз уже не могла выдерживать всего этого, ее груди стали невероятно чувствительными и восприимчивыми – он ДОЛЖЕН был дать ей закончить. Ей казалось, если он не сделает этого, она умрет.

– Еще, – ее голос был хриплым, как карканье ворона, – еще, еще, пожалуйста. Сильнее, намного сильнее.

И он сделал то, что она просила. Он делал это настолько великолепно – тер, давил, катал, толкал и мял пальцами плоть вокруг ее клитора, проникая глубоко внутрь ее маленького тугого отверстия, пока наконец во время одного толчка, сводящего ее с ума, она не почувствовала, как оргазм сотряс все ее тело наподобие землетрясения. Он начался на самом кончике ее клитора и распространился дальше по всему телу. Себ продолжил возбуждать ее, пока она не кончила снова, а затем еще и еще, и снова она дрожала, ее колотило в такт стуку колес поезда. Отпустит ли он ее когда-нибудь? Нет, ему слишком нравилось быть хозяином положения, вынуждая ее раз за разом достигать кульминации, заставляя ее тело быстро ударяться о свое собственное, ощущать твердый эрегированный член, который толкал ее в спину. В конце концов, опустошенная и обессиленная, она просто упала в обморок прямо на сиденье купе. Он резко выдохнул, это говорило о том, что он достиг своей цели, довел ее до края пропасти и перенес через нее. Он победил, но и она тоже выиграла. Она чувствовала себя удовлетворенной, даже пресыщенной, по телу медленно перекатывались волны возбуждения. Это был ее первый оргазм, первый раз, когда она оказалась достаточно сильно возбуждена, первый раз, когда мужчина взял такую власть над ней и привел ее сюда. Она лежала, как во сне, как будто плавая в облаках.

Он сел рядом с ней, положив голову ей на колени, а затем погладил ее по лбу. Она примостилась рядом, свернувшись в клубок. Тогда, в порыве нежности, очень удивившем ее, он начал покрывать ее лоб легкими нежными поцелуями, которые помогли ей спуститься

с вершин экстаза в чистое, спокойное удовольствие. Ему не следовало знать, что это был ее первый оргазм. Она не стала бы говорить ему ничего подобного, но, возможно, он почувствовал, что с женщиной произошло нечто для нее необычное. Они не были друзьями, они не были любовниками в истинном смысле этого слова, но, возможно, под жесткой внешностью скрывался человек, который оказался способным ощутить необычный, удивительный момент в жизни другого человека.

Глава 4

Ход поезда начал замедляться, и последние вечерние чайки отметили его прибытие резкими криками, пикируя с неба вниз. Вскоре показалась станция. Бриз вернула себе контроль за ситуацией, поднялась и оделась, но не могла не видеть эрекции Себа – его великолепные брюки туго обтягивали выступающий член. Хотя то, что он овладел ею, вызвало у нее негодование, она знала, что ее, так же как и его, волновало то, что случится этим вечером. Он сохранил контроль над собой и, дав своему пенису затвердеть, не позволил ему достигнуть кульминации. Бриз решительно была настроена с момента, когда они покинут поезд, и до конца этого вечера играть первую скрипку.

– Итак, куда мы идем теперь? – спросил Себастьян. Они шли по направлению к Королевскому Павильону. Было странное ощущение, как будто им необходимо было держаться за руки, как и всем другим парам, спускающимся к берегу моря. Они ощущали некую близость, но все же это все еще было просто деловой договоренностью.

– К пирсу, туда, куда идут все эти люди.

– Я раньше никогда не был в Брайтоне.

Она повернулась к нему и посмотрела на него широко раскрытыми зелеными глазами. Они как раз огибали Павильон с его освещенными в ночное время экстравагантными крышами, напоминающими турецкие тюрбаны.

– Вы никогда не были в Брайтоне? Мне казалось, что здесь побывал любой житель Лондона.

– Я – нет. Всю свою жизнь я посвятил деланию денег. Думаю, что в последний раз я ездил куда-то и делал что-то без определенной деловой цели тогда, когда был еще подростком. Развлечения не входили в список обязательных дел моей повестки дня, а ведь сюда приезжают именно ради развлечений, не так ли?

– Совершенно верно. Это ведь город-курорт – развлечения, посещение магазинов, плавание, разные забавы, вкусная еда.

– Секс.

– Да.

Когда она увидела ожидание в его глазах, ее соски затвердели. Она даже застыдилась, вспоминая, что совсем недавно происходило в купе поезда, причем у этого действа был зритель.

– Сюда с самого начала приезжали, чтобы провести выходные, предаваясь любовным утехам.

– Значит, вы собираетесь отвести меня в Гранд-отель, верно?

– Никоим образом. Это отель для больших шишек, так что прийти сюда – слишком предсказуемо, а потому скучно. Сегодня вечером вам придется обойтись без привычных удобств. Кроме того, я приготовила нечто намного более впечатляющее.

Казалось, ее слова заставили его взять ее за руку тем же жестом, которым медведь мог бы схватить лапку мыши. Обычно вечером здесь было прохладно, но ей показалось, на нее повеяло жарким воздухом, когда он, аккуратно направляя ее между машинами, перевел через пристань и вывел на деревянные доски пирса. Она вдруг подумала, что он потрясающе хорошо выглядит, потому что не только девушки, но и их приятели таращились на него, глядя, как он шагает в своем темном пальто, взлетающем под порывами ветра, как крылья, у него за спиной. Привлекательный, но пугающий – люди расступались перед ним. Внезапно Бриз задалась вопросом – с какой стати он решил устроить все это? При его богатстве у него наверняка было бесчисленное множество женщин, он мог отправиться в любое, самое экзотическое место на земле, какое она могла увидеть только во сне. И все же он выбрал ее –

простую рабочую девчонку, которой он даже не нравился. Она предположила, что делать все наоборот – привилегия миллиардеров. Они спускались вниз, мимо вульгарных безвкусных ювелирных бутиков, мимо маленького, весело и празднично разукрашенного поезда и витых детских горок.

На конце пирса они остановились, освещенные яркими огнями американской горки «Крейзи Маус», прислушиваясь к крикам парочек. Воздух окрасился в болезненно-нежный розовый оттенок, присущий сахарной вате, а аромат жарящихся пончиков лишний раз напоминал об изобилии этого места, созданного исключительно для исполнения любых капризов.

– Я намерена отвести вас вот туда. – Бриз указала вверх, туда, где на краю пирса, высоко над морем, возносился Air Diver Super Booster.

– Эта штука чертовски пугает меня.

Бриз задрала голову, наблюдая, как массивная конструкция, похожая на подъемный кран, медленно поднимается вверх, и тоже ощутила тошноту. Она почувствовала, как Себ сильнее сжал ее руку в тот момент, когда они вместе смотрели, как закрытая кабина с пассажирами упорно взбирается ввысь, пронзая ночное небо. Внизу собралась небольшая толпа зевак, которые молча наблюдали за ними, открыв рты. Когда кабина камнем полетела вниз, люди, сидевшие внутри, завизжали, а зрители наблюдали, как кабина пролетела мимо них, словно гигантский маятник, и поднялась вверх с противоположной стороны, чтобы снова полететь вниз и еще раз чуть не до смерти напугать сидевших внутри людей.

– Мне всегда нравилось это место – такое дикое, просто сумасшедшее.

– Это там вы собираетесь развлекать меня, верно? – Себ выглядел заинтригованным: по его лицу пробежала искра авантюризма. Нетипичное ощущение удовольствия ради удовольствия придало ему необычное для него оживление.

– Вот именно. – Бриз потянула его ко входу в аттракцион. – Вы сказали, что я должна придумать что-то удивительное, и, поверьте, это приключение соответствует этому определению как нельзя лучше. Не испугаетесь? – она насмешливо взглянула на него.

Он отбросил голову назад, из его горла вырвался хриплый смешок предвкушения развлечения, более возбужденный и наполненный энергией, чем она ожидала от такой машины для создания денег, как Себ Дарк. Да, похоже, он *мог бы* весело проводить время, если бы попробовал сделать это.

Служитель аттракциона обратился к ним: «Снимите обувь и оставьте ее на полках. Высота бустера – 40 метров, вы подниметесь над толпой больше чем на 38 метров. Мы не хотим, чтобы что-нибудь упало на головы зрителям с такой высоты». Он надежно привязал Себа и Бриз к сиденьям друг напротив друга. Два других места остались пустыми – никто больше не осмелился отправиться вместе с ними.

– Ну вот, теперь вы в полном порядке. Наслаждайтесь путешествием. – Он подмигнул. Они чувствовали себя как в смирительной рубашке. Себ смотрел на Бриз, его стальное самообладание не дрогнуло, когда они начали подниматься в воздухе.

– На такой высоте у меня мурашки бегут по коже, – сказала Бриз, но во взгляде Себа ощущалось напряжение – он испытывал ее, ожидая, когда она дернется. С каждым метром подъема напряжение усиливалось. Она хотела уловить тот самый момент, когда его начнут охватывать страх и волнение, и потому, не отрываясь, смотрела прямо на него.

Себ думал, что никогда не видел настолько зеленых глаз. В полутьме они напоминали глаза крупной распутной кошки, в них всегда таились вызов и бесстрашие. Но за ними, за этим светловолосым вызовом, за бесстыдным напором, почти кричащим «посмотри на меня», пряталась ее тонкая, чарующая красота, от которой он никак не мог отвести взгляд. То, что он мог видеть ее, попробовать ее в поезде, так распалило его, что он почти что затянул ее сюда. Он понятия не имел, что она собиралась делать на этой головокружительной

высоте, пока – черт ее возьми! – она не начала извиваться и корчиться на своем сиденье, то поднимаясь, то снова садясь. Изогнувшись, она положила ноги, обтянутые тонкими чулками, ему на колени. «Расстегните молнию», – предложила она.

Он мог поклясться, что ноги являются одним из самых недооцененных эротических инструментов женщины. Бриз соблазняла его. Ее ноги были так же красивы, как и остальное ее тело. Изящные, длинные, мускулистые, затянутые в бесстыдно прозрачные черные чулки. Когда она устроилась у него на коленях, он бросил дразнящий взгляд на ее юбку, скрывавшую прелести, которыми он наслаждался совсем недавно, на ее опрятную каштановую поросль, скрывающую ярко-розовые глубины. В этот момент он понял, что светлые волосы были лишь частью созданного ею фасада. Но была ли это настоящая Бриз? Интересный вопрос.

Они поднялись на самый верх, протянувшийся внизу пирс казался теперь просто тонкой полоской, а люди были не больше булавочных иголок. Он почувствовал нарастание возбуждения, нетерпеливо потянул молнию вниз и высвободил член из трусов-боксеров. Недавно она почти довела его до кульминации – бесстыдная, как шлюха, стильная, как герцогиня, – но он сумел сдержаться. Он был мастером отсроченного удовлетворения, это помогало ему медленно, с наслаждением, продумывать коммерческие сделки. Сдержанность в начале обеспечивала ему более острые ощущения в конце.

У него уже наблюдалась эрекция – по правде говоря, его член так и не стал мягким после ее авантюры в поезде, и теперь, когда она обхватила его ногами в тонких чулках, он болел от напряжения. Когда Бриз искусно схватила его и начала сжимать и тянутьё выпуклая головка выглянула наружу. Ее колени слегка разошлись, так что Себ с наслаждением смог рассматривать зеленый шелковистый треугольник. В лунном свете ярко сияли ее гладкие белые бедра.

Прежде чем начать стремительное движение вниз, кабина ярмарочного аттракциона на мгновение зависла в воздухе на самом верху, замерла там в ночном небе, усиливая их волнение, усугубляя ожидание. Теперь, когда Бриз начала сильно массировать пенис Себа, казалось, его охватил огонь, член набух и был готов разрядиться. Себ схватился за боковины кабинки так, что у него побелели суставы пальцев, но тем не менее сдержался, что заставило Бриз продолжить свои действия. Давление стало почти невыносимым, его яички дергались, а когда ее ноги начали двигаться вверх и вниз, поглаживая твердый ствол, на кончике выступила капелька предэякулята.

Она точно знала, как нужно действовать, чтобы заставить его кровь грохотать в висках, а также как вывернуть ноги так, чтобы его глаза не могли оторваться от привлекательной щели внизу ее тела. Она обхватила ногами его пенис, сжала его вершину, провела по чувствительной головке, доводя Себа до исступления, так, что он почти потерял голову, и завершила свою работу. И все же он понимал, что именно затеяла Бриз, чего ждала – она отлично знала, что, как только они устремятся вниз, ощущения станут намного ярче и сильнее. Для нее это было сигналом, чтобы начать тереть его член сильнее и быстрее, настолько быстро, чтобы довести его до… Затем это произошло. Они резко падали, пронизывая воздух, сердце колотилось у него уже где-то в горле, адреналин, взорвавшийся в крови не хуже кокаина, заставил его громко завопить. И именно в этот момент Бриз начала сильно массировать его член, все быстрее, быстрее, быстрее, умело усиливая давление, что заставило его достигнуть кульминации. Густые брызги полетели так далеко и стремительно, что ему показалось, что поток никогда не закончится. Капли улетали в ночной воздух, в море, в кипящие далеко внизу волны. Это было похоже на пушечный выстрел, полет стрелы.

Себ задохнулся, он судорожно хватал ртом воздух, кровь ревела у него в ушах, как раскаты грома. Когда кабина снова устремилась ввысь наподобие маятника, а затем опять двинулась вниз, она умело ослабила давление, но при этом настойчиво заставила его кончить.

На лице Бриз расцвела удовлетворенная улыбка, сделав ее похожей на кошку, слизывавшую последние капельки сливок из миски.

Она была невероятна, сногсшибательна, лучше любого наркотика. Она опустошила его до дна. У него перехватило дыхание, и он засмеялся, как ребенок. Страх этого полета, соединившись с ее ледяной холодностью, унес его на такую головокружительную высоту, о которой он прежде и представления не имел. В это мгновение, увидев ее удовлетворенную усмешку и зная, что она сама получала от всего происходящего удовольствие в той же мере, в какой доставляла его, он понял, что должен получить ее, овладеть ею. Он должен был узнать, каково это – оказаться в ней. Когда это произойдет? Это будет вершиной всего.

Они оба, пошатываясь, покинули площадку аттракциона – их забавляло, что окружающие считали, что неуверенной их походку делали скорость и высота, тогда как сами они отлично понимали причину – теперь их объединял собственный непристойный секрет.

– Теперь обед, я голоден, – заявил Себ. Он выбрал лучший ресторан Брайтона, и они выпили самую дорогую бутылку шампанского в заведении. Он желал удержать ее, не хотел позволить ей уйти, требовал, чтобы она провела с ним всю ночь. Он хотел увидеть ее голой, почувствовать ладонями тепло ее тела, познать ее всю.

Они подошли к центральной лестнице Гранд-отеля, той, с которой открывался самый красивый вид на пляж. Можно было проспать здесь допоздна, заняться любовью, а затем позавтракать, как короли.

– Давай выберем лучший номер, пентхаус – у них наверняка есть такой.

– Я не могу. – Она отвернулась.

– Ты не можешь? – Он даже споткнулся от неожиданности, такое с ним бывало нечасто. Никогда ни одна женщина не отказывалась от его общества.

– Нет. Не сегодня вечером. – Ее зеленые глаза были непроницаемы. Он был слишком горд, чтобы спросить – когда, когда же она будет спать с ним?

– Я… мы встретимся с вами снова на следующей неделе. В следующую субботу. Как и планировали. Ведь так мы договорились, верно?

Неожиданно он почувствовал себя сбитым с толку, ощутил, что у него вырвали то, что он уже считал своим. Все, что происходило, казалось прелюдией к чему-то. И вот она уже отворачивается от него. Да, конечно, это было соглашением, но…

– Почему вы должны уйти? Так поздно? Мы могли бы вместе остановиться здесь в номере.

Себ опустил глаза, обычно он играл в отношениях совсем другую роль.

– Мы можем и не спать в одной постели. – Он посмотрел на нее, стараясь снова встретиться с ней взглядом. Потребность в ней отдавалась внутри него ноющей болью. Это была не только сексуальная потребность. Неужели его слова прозвучали почти как мольба? Возможно, это был единственный случай в его жизни, когда он жаждал чего-то и не добился желаемого? Слова рождались у него в голове, он сам не заметил, как произнес их, но тем не менее они прозвучали. На этот раз он был искренен. Человек, который никогда не позволял своим чувствам вырваться наружу, который никогда и никому не показывал свое истинное лицо, здесь, в этом приморском городе, просил ее составить ему компанию.

– Я не могу. – Она улыбнулась. Это была очень искренняя улыбка, простая, открытая, которая совсем не подходила той агрессивной блондинке, которую он знал. – Я… У меня дома есть важные дела, которые требуют моего внимания. В субботу я позвоню вам. Как условились.

– Не будем терять времени, – когда она повернулась, чтобы уйти, он заступил ей дорогу. – Тогда мы вернемся вместе. Я поймаю такси, и мы отправимся в Лондон.

– Ни в коем случае, – она подняла руку, – это будет стоить целое состояние.

Он глухо рассмеялся.

– Состояние? У меня оно есть. Не отказывайте мне, Бриз. – Она замолчала, и негодование, которое он увидел в тот момент, когда обвинил ее в краже, накрыло ее лицо, как маска. Они снова были чужими друг другу, чужими они вернулись в Лондон, и она дремала рядом с ним на заднем сиденье, – женщина, до которой он отчаянно хотел дотронуться, но, казалось, до нее было миллион миль. В этот момент она была дальше от него, чем когда бы то ни было.

Глава 5

Бриз попыталась тихонько открыть входную дверь. Большой старый городской дом скрипел и в лучшие времена, а теперь, когда она не хотела, чтобы ее приход обнаружили, скрип казался просто оглушительным. На полу в коридоре струилась дорожка света из уютной кухни. Войдя туда, Бриз порадовалась, что ее дожидалась не мать, а сестра – Саммер.

– Все в порядке? – Речь Саммер, как всегда, звучала нечетко, как будто она была пьяна. На самом же деле это было последствием врожденного церебрального паралича. Болезнь поразила ее тело, но ум Саммер оставался острым. При этом ей хватало мужества содержать дом для Бриз и матери в идеальной чистоте. В вазе стояли свежие цветы, из кухни доносился аромат хлеба, который она испекла утром. Кухня была ее королевством, тем уголком огромного мира, где над ней не смеялись из-за ее дефекта.

– Все отлично, спасибо. – Здесь, дома, Бриз носила совсем иную маску, но тем не менее это все равно была именно маска. Она никогда не говорила матери и сестре о том, как ей удавалось содержать их и поддерживать увядающее великолепие их эдвардианского дома. Они полагали, что ей удалось найти фантастически хорошо оплачиваемую работу, на которой она упорно трудилась. Им не следовало знать, что ремонт давно съел ее заработную плату и ей пришлось придумать и совершить преступление, чтобы сохранить их прибежище. Дом был построен прадедом Бриз и Саммер. Их отец, который играл на деньги, потерял почти все состояние еще во времена молодости ее матери. Бриз упорно работала, чтобы стать настоящим профессионалом. Все это она делала для того, чтобы сохранить фамильный дом – единственное, что обеспечивало их безопасность, то, что связывало их в единое целое. Каждый раз, когда она открывала дверь и входила внутрь, она благодарила небеса за то, что они все еще могут жить здесь.

Себастьян Дарк угрожал всему этому, но, по крайней мере, сегодня вечером ей не только удалось подцепить его на крючок, но и удержать. Он не позвонил в полицию. Пока. Она по-прежнему находилась там, где чувствовала себя достаточно комфортно. Она поцеловала Саммер, пожелав ей доброй ночи, и направилась вверх по лестнице. На ее кровати лежал открытый словарь, который она взяла из их небольшой библиотеки, чтобы изучить историю Шехерезады – дочери скромного визиря, которая каждую ночь могла погибнуть от руки шаха, если не будет рассказывать ему новую историю. Каждую ночь Шехерезада останавливалась посередине очередной истории, чтобы повелитель позвал ее снова, и тем самым спасла себе жизнь.

Когда Бриз наконец легла спать, думая о том, как ей следует вести себя с Себом Дарком, она поняла: самое главное – не повторяться, никогда не позволять ситуации развиваться самостоятельно и никогда, ни при каких условиях, не отдавать ему власть над собой полностью, потому что тогда он мог бы обнаружить, что она весьма неопытна, что Снежная королева никогда до конца не отдавалась ни одному из своих возлюбленных. Как только он получит этот приз, он откажется от нее и потеряет к ней интерес, в конце концов она окажется в тюрьме, и этот дом, их священное прибежище, будет потерян, а ее семья погибнет.

Бриз повернулась на бок и сердито бросила книгу на пол. Никогда нельзя подпускать слишком близко ни Себа Дарка, ни какого-то другого мужчину. Ее мать была права, когда выбросила фотографию отца в мусорное ведро. «Всегда твердо стой на собственных ногах, Бриз. Оставайся независимой, пробивай себе путь в жизни, и ты никогда не разочаруешься».

* * *

Себ захлопнул дверцу высокоскоростного спортивно-пилотажного самолета и защелкнул ремни на груди. Он часто садился за его штурвал, когда у него возникали проблемы – это помогало ему сосредоточиться, возвращало назад, к решению вопросов его бизнеса. В бизнесе он был успешен на сто процентов, чего нельзя было сказать о личной жизни. Он поднял самолет, пролетел по залитому солнечными лучами небу над городом и, выполнив петлю, вошел в поворот. Была суббота, ему казалось, что время до нее тянулось целую вечность. Он никогда не думал, что неделя может длиться так долго, и рванулся к телефону, когда Бриз позвонила этим утром. В течение семи долгих дней он жаждал поговорить с ней, посмотреть на нее, узнать, как она живет. Но он был слишком горд – ни одна женщина не поставит его на колени! А кроме того, ведь это была деловая договоренность, не так ли?

Он повел свой юркий самолетик вдоль Темзы, искрившейся, как полоска блестящей нержавеющей стали. Здание небоскреба Shard[3], величественное и необычное, врезалось в лондонское небо, как кинжал. Его строительство уже подходило к концу. Бизнес Себа участвовал в финансировании всех городских архитектурных новинок, которые так ему нравились. Он помогал строить этот город, и все же – какую его часть ему удалось увидеть на самом деле? Только те места, где у него проходили деловые встречи. Даже когда его приглашали на спортивные соревнования или в оперу, то и там всегда имелись корпоративные боксы, где он мог разговаривать вполголоса и заниматься бизнесом. Бизнес дает могущество и одновременно все разрушает. Когда Бриз позвонила ему и приказала встретить ее возле Альберт-холла этим вечером, он ощутил странное ликование. Он был там однажды с деловым клиентом, но ничего не помнил, кроме соглашения, которого ему удалось добиться. Музыке не удалось пробиться в его сознание, он просто проигнорировал ее.

Неужели ему не удастся вспомнить о своей жизни ничего, кроме цепочки из удачных сделок? В конце этого месяца ему исполнится тридцать – это важный момент в его судьбе, своеобразная новая точка отсчета. Закончится первая треть его жизни. Он много сражался, но за то ли он бился? Себ поглядел вниз, на лондонский мост, и увидел снующие по нему крошечные, размером со спички, фигурки людей. Что заставляло их суетиться там – этих мужчин, женщин, детей? Надежды, которые Себ всегда считал лишь слабостью, некие отношения, связи, которых он активно избегал. И все же для других людей это было тем, что составляло смысл их жизни. Внезапно он ощутил себя темной пещерой, внутри которой царила пустота. А затем неожиданный порыв ветра ударил по крыльям самолета, заставив его завилять. Себ рванул штурвал, он боролся с машиной, стараясь вернуть контроль над ней. В это время справа в самолет ударил еще один резкий порыв ветра, и машина дико, пугающе метнулась влево. На одну секунду Себу показалось, что он теряет власть над аппаратом, и страх сдавил ему грудь. Его руки так крепко вцепились в штурвал, что ногти пробили кожу на ладонях, впиваясь в плоть, но он все же сумел выровнять самолет. Он резко развернул его и направил вниз, к Темзе, к аэродрому. Он потерял концентрацию, что случалось с ним крайне редко. Он думал о Бриз. Здесь, в это мгновение, могла закончиться его жизнь.

Когда Себ вылез из самолета и направился к зданию клуба, где его ждал личный шофер, он вдруг спросил себя, а кто бы стал оплакивать его, если бы он не справился с управлением и разбился? Бриз? Она бы пожалела? Скорее всего, она обрадовалась бы этому – ведь, в конце

[3] The Shard London Bridge (в переводе на русский «Осколок стекла» или просто «Осколок») – сооружен в Лондоне на месте Southwark Towers, 25-этажного офисного центра, построенного в 1975 году. Церемония открытия состоялась 5 июля 2012 года.

концов, это сделало бы ее свободной. Он криво улыбнулся. Возможно, она даже приехала бы на его похороны. Он был уверен, что она пришла бы в красном.

Она сказала ему, что сегодня вечером будет гала-представление, поэтому публика будет одета в смокинги и вечерние наряды. Когда он выбрался из своего автомобиля, то сразу же увидел ее – ее голову и плечи, более прекрасные, чем у любой из присутствующих женщин, которые порхали, как яркие бабочки, стараясь, чтобы их обязательно заметили.

Выйдя из машины, он на мгновение замер.

– Что-то не так, сэр? – спросил Джордж, его шофер.

Себ понял, что он мысленно, не отрываясь, смотрел на Бриз, пил ее.

– Нет, нет, можете идти, спасибо. Заберите нас в 11.

Она выделялась из толпы кричаще ярких женщин, как изысканная, легкая, как воздух, ночная бабочка. На ней было довольно простое облегающее платье из бледно-сиреневого шелка, его волны окутывали ее фигуру, как лепестки разворачивающегося бутона. Сзади платье было открытым, оставляя лопатки и изгиб талии свободными, и, когда он увидел это, ему захотелось провести пальцами по ее позвоночнику. Когда он сделал первый шаг, другой мужчина приблизился к ней с открытой, доброжелательной улыбкой, и Себу сразу захотелось свалить его с ног. Он зашагал быстрее.

– Бриз… – он быстро увлек ее за собой. – Вы выглядите абсолютно… – невероятно, великолепно, красиво? Ни одно слово, которое приходило ему на ум, не могло полностью выразить его отношение к ней. – Прекрасно, – наконец решил он. Это слово подходило лучше всего.

– Спасибо. – Ее глаза цвета морской волны задержались на его высокой фигуре, костюме ручной работы с атласными отворотами и изящном черном галстуке-бабочке. – Вы тоже выглядите хорошо. Идеальный английский джентльмен.

– С прекрасными манерами? – по его губам пробежала кривая усмешка, в глазах была готовность отразить иронию, прозвучавшую в ее голосе.

– Надеюсь, нет, – бросила она.

Когда он вел ее сквозь толпу, через двери внушительного круглого здания из красного кирпича, он чувствовал, как его руку щекочут несколько локонов, выбившихся из высокой прически и теперь стекавших по ее обнаженной спине. Сегодня ее волосы были более мягкими, более естественными; он ощутил это, проведя по ним пальцами.

Когда она стала подниматься вместе с ним в сиянии сверкающих люстр по ступенькам лестницы, покрытым красной ковровой дорожкой, все окружающие не могли отвести глаз от этой ошеломительно прекрасной пары. Сотни людей заполнили здание.

– Я уверен, что мы сможем найти здесь какое-нибудь уединенное место.

– Не беспокойтесь. – Она развернулась, и он увидел, как на ее щеках заиграл румянец, как первый намек бронзы на осенних листьях. – Здесь работает моя хорошая подруга. Она занимается реквизитом и организовала для нас нечто совершенно особенное. Вы не будете разочарованы.

Когда лестница закончилась и они ступили на гладкий пол зала, толпа наконец немного рассеялась. Перед ними висело объявление: «Галерея ЗАКРЫТА на время представления». Она быстро оглянулась, чтобы убедиться, что их никто не видит, и толкнула дверь. Себастьян всегда видел Альберт-холл только из частной ложи, где он находился в самом центре толпы, рядом с исполнителями. Здесь же все ощущалось иначе, эти помещения были скрыты от посторонних глаз. Прохладные пустые каменные полы, строгие черные железные конструкции, толпа, предвкушающе гудящая значительно ниже их, рассаживающаяся по своим местам, чтобы посмотреть на представление. Никто из этих людей не знал, что эти двое крадутся по верхнему этажу высоко над их головами. Там, посередине пустынного балкона, стояла кровать с балдахином на четырех столбиках. Она была похожа на мебель из Версаль-

ского дворца – ее основание и спинка были украшены изысканной резьбой и сверкали позолотой. Кроваво-красные занавеси, окружавшие кровать, были стянуты роскошным золотым шнуром, угол бархатного покрывала был отброшен, чтобы показать белые простыни из египетского хлопка. Тайный, скрытый от всех шатер удовольствий.

Себ почувствовал, что у него пересохло во рту. Конечно, она покраснела недостаточно, и вряд ли хотела, чтобы он взял ее именно здесь; это было бы похоже на публичное выступление перед всеми этими самовлюбленными снобами, любителями симфонической музыки в смокингах там, внизу, которые сосредоточили все свое внимание на высокоинтеллектуальном классическом представлении. Бриз подозвала его. Он встал перед ней. Шум в зале утих, оркестр вот-вот должен был заиграть. Когда дирижер подошел к пульту, послышался шум аплодисментов. Изгибы тела Бриз были настоящим произведением искусства, ее плечи и спина напоминали скрипку. Приглушенный свет окутывал ее, благодаря его мерцанию ее кожа казалась гладкой, как грудь лебедя. Себ сглотнул, волосы у него на загривке взъерошились от предвкушения. Это был его шанс снова обладать женщиной, мысли о которой – приходится в этом признаться – в течение многих месяцев изводили его как наяву, так и во сне. Когда прозвучали первые звуки скрипок, у него закипела кровь.

Себ хотел распаковать ее медленно, как самый желанный новогодний подарок. Он провел пальцами по ее руке, согнувшейся, когда он ее коснулся. Себ заметил, что при этом по ее телу пробежала дрожь удовольствия. Ее кожа пылала, он мог уловить запах экзотического масла для ванны, корицы, гвоздики, лилии, он понял, что она, должно быть, провела весь день, готовя себя для него. Представив ее приготовления, мыло, стекающее по ее телу, руки, наносящие нежные сливки на кожу груди, он ощутил огонь, опаляющий его чресла, и пока он не отрываясь смотрел на нее и гладил ее кожу, ее грудь затвердела и острые кончики натянули шелк платья. Он встал ближе и наклонился, вдыхая ее, как будто втягивал ноздрями аромат, исходящий из бутылки самого прекрасного вина Chateau d'Yquem. Он коснулся губами ее ключицы и двинулся вдоль нее, покрывая ее поцелуями. У нее была божественная кожа. Он наблюдал, как ее сосок все четче прорисовывается под тонкой тканью платья, и его член отозвался. Он хотел, чтобы она желала его так же, как он желал ее. Ниточка вены на ее шее запульсировала – сначала медленно, затем, в тот момент, когда он перенес свои поцелуи с шеи на знойные холмы ее груди, забилась быстрее. Она отклонилась вбок, доносящиеся снизу обжигающие сердце звуки скрипок и виолончелей вторили ударам ее сердца, трепещущего под тонким платьем.

Затем, как будто они оба совершали сложные па любовного танца, она сделала движение, давшее ему возможность коснуться ее – то, чего ему так недоставало. Она обвила его шею руками и притянула его к себе, а он наклонился и прижал свои губы к ее открытому рту. Она показалась ему слаще всего на свете – у нее был вкус медовых, напоенных солнцем фруктов. Ее язык искал его, играл с ним, ее тело прижималось к нему, на мгновение она поколебалась, ощущая ускоряющуюся эрекцию члена, выпирающего из его облегающих брюк, а затем, когда их поцелуй стал более глубоким, направила его в себя. Его пальцы пробежались по ее спине, он ощущал вибрирующее внутри нее желание и больше не мог сдерживаться. Ему необходимо было видеть ее, выпить ее до конца. Себ осторожно поставил ее перед собой и аккуратно снял с нее всю одежду, наблюдая, как складки шелка взлетают и вновь опадают в такт ее дыханию. Затем, спустив бретельки платья с ее плеч, он позволил ему упасть и обрушиться на пол. На ней больше ничего не было, кроме небольшой золотой цепочки и медальона на шее. В окружавшей их полутьме ее обнаженное тело сияло, и он понял, что хотел бы проглотить ее. Всю. До последнего, самого крошечного кусочка.

Он встал перед ней на колени и спрятал лицо в ее бедрах, чувствуя, как они напряглись в ожидании. Музыка пробивалась сквозь пол, вибрируя внутри нее. Она обвила руками его шею и прижала его лицо к своей мягкой поросли. Такая мягкая, нежная, душистая… ему

необходимо было отведать ее, насладиться ее вкусом и ароматом. Он больше не мог ждать. Он встал, подхватил ее на руки и бросил на кровать, наблюдая, как ее полная грудь дразняще покачивается, постепенно успокаиваясь. В одно мгновение он раздвинул ей ноги, встал на колени у ее входа и устремил на нее взгляд, как будто она была декадентской бело-розовой орхидеей. Затем пальцами развел ее лепестки и через секунду уже дегустировал ее, прижимая губы к ее пульсирующему клитору и вращая языком. Он играл на ней, как самые прекрасные музыканты играют на своих инструментах, он поднимал руку и принимал ее горячую, нетерпеливую грудь в сложенные чашечкой ладони, наблюдая, как она вытягивается и извивается в ответ. Его пальцы обнимали ее соски, заставляя их окончательно затвердеть, и он ощущал дрожь ее экстаза.

Ему необходимо было оказаться внутри нее. Музыка заиграла громче, ее энергия усилила каменную твердость его члена, возбужденного счастьем от ее близости. Он поднялся, сбросил пиджак на пол и начал расстегивать ремень, но затем, когда музыка изменилась, смягчаясь и затихая, власть перешла к Бриз. Она села и заставила его лечь перед ней, затем встала на колени и вытащила заколки из волос, чтобы позволить им растечься по ее высвободившейся груди. Он задохнулся от тяжести этих округлых холмов – они были похожи на роскошные зрелые плоды, свисающие с дерева, готовые упасть в руки сборщика урожая, и протянул ладони, чтобы ласкать это изобилие. Она потянулась к его рубашке, дрожащими пальцами расстегнула каждую пуговицу и откинула полочки из дорогого хлопка, чтобы обнажить его мускулистую грудь. Затем она увлажнила языком губы и наклонилась, чтобы припасть к его соску.

Он был удивлен этим движением – ни одна женщина не доставляла его соскам такого наслаждения. Затем она села на него верхом, накрыв его пульсирующий член ягодицами, и начала извиваться на нем, одновременно посасывая его соски. Затем покачалась, располагая свой вход напротив его члена, сжала его и понеслась, доводя его до безумия. Когда она двигалась вверх и вниз вдоль члена, увлажняя его своими соками, покрывая своим мускусным ароматом и проводя вдоль него набухшим клитором, казалось, что она вот-вот закончит сама. Он сильнее сжал ее груди, слыша ее стоны от вспышек легкой боли в те моменты, когда он сжимал ее соски, плоть ее тяжелых округлых холмов, заполнивших его ладони. Он больше не мог это выносить. Ему хотелось самому получить главный приз – довести ее до оргазма в тот момент, когда он находился внутри нее. Одной рукой обхватив ее великолепную ягодицу, он поднял и остановил ее, сжав другой рукой свой пульсирующий член.

Его член блестел от ее влаги, равномерно затвердевший от ощущения давления ее ягодиц и трения клитора. Себ нашел ее глубокую щель и затолкал себя внутрь нее, и, когда он снова обхватил ее ягодицы, вопль ее экстаза утонул в бурном крещендо скрипок. Его пальцы были влажными от ее страстных соков, ее полузакрытые глаза мерцали, как звезды, когда она скакала на нем так, как будто он был бешеным полудиким жеребцом, а она – наездницей на родео. Его опытные руки мяли ее влажные груди, а она только ускоряла темп скачки. Ее ягодицы ударяли по его бедрам, гладкая поверхность промежности скользила вверх и вниз по его члену, который втягивался в тугой, узкий проход, наслаждаясь помощью ее восхитительной влаги. О боже, он не мог больше выносить этого! Ее чувственное тело, форма которого напоминала благородную гитару, было идеальным инструментом для того, чтобы сводить его с ума. Он открыл рот и закричал, потому что почувствовал, как его мужское естество поднялось и выстрелило в нее в тот момент, когда ее движения стали беспощадно быстрыми. Она открыла глаза и слилась с ним, заглядывая ему прямо в душу. Она неслась на нем вскачь, доводя до безумного оргазма в тот момент, когда снизу доносились громоподобные раскаты барабанов, грохот цимбал, и мощь кульминации, объединившей оркестр и заполнившей собой весь Альберт-холл, заглушила его крики.

Он чувствовал сонливость, опустошенность и удовлетворение. Если бы в эту секунду настал конец света, он бы погиб безумно счастливым человеком. Позолоченная кровать была превосходна. Изумительный, роскошный, красный Альберт-холл был экстравагантен, и это начинало гармонировать с его ощущениями от Бриз, лежащей на спине рядом с ним. Нет, она не была Снежной королевой. Он повернулся к ней и заметил у нее гусиную кожу.

– Вам холодно. – Он нежно накрыл ее, прижал к себе ее разгоряченное тело. Внезапно, когда он обвил ее рукой, обнял и придвинул к себе, он ощутил порыв нежности, желания защитить ее. Он не хотел, чтобы ей было холодно, не хотел, чтобы она была голодна или недовольна. Это были совершенно новые ощущения, необычные для Себа.

В офисе его фирмы она была словно льдинка. Когда Себ поймал ее на краже, она была как огонь, все в ней говорило: «Не подходите ко мне». Но после того, как он овладел ею, она стала похожа на тайный сад, отгороженный от мира железной оградой. Как только ворота открылись, стало ясно, что этот сад нежный и ароматный, влажный и очень женственный. Музыка плыла ввысь, окутывая их, они лежали словно в собственном таинственном шатре. Весь остальной мир – сотни людей, сидевших внизу, – не имели для них никакого значения. Себ почувствовал, что всю жизнь ждал этого момента, возможности почувствовать эту близость другого человека, и теперь он на мгновение понял то, что имели в виду люди, когда говорили, что «за деньги счастья не купишь». Они имели в виду именно такие моменты. Теплота, близость, единение. Он потянулся и коснулся золотой цепочки у нее на шее – сердечко, на котором мерцал крошечный бриллиант.

– Мило. Подарок от любовника? – Где-то глубоко в груди он почувствовал острый укол сильной боли. Ревность?! Нечто, чего он никогда не испытывал прежде. Это было больно.

– Нет, – она нежно посмотрела на кулон. – От сестры, на мой 18-й день рождения. Она целый год откладывала деньги, чтобы купить его. Я всегда ношу его – это самое ценное, что у меня есть.

Себ качнул кулон, заставив его засиять.

– Вам повезло иметь родного человека, о котором вы можете заботиться. Когда-то и у меня был брат. Старший брат.

– У вас *был* брат?! Что вы имеете в виду?

– Он был на десять лет старше меня и полная моя противоположность. Он был артистичной натурой и занимался фотографией. Брат побывал в самых экзотических уголках земного шара, снимал удивительные вещи. У меня все еще хранится портфолио его работ. Мой отец боготворил его – первенец, сын и все такое. Он погиб в результате несчастного случая, когда снимал в джунглях Южной Америки. Мой отец так никогда и не справился с этой потерей. Полагаю, это стало одной из причин, почему я так погрузился в бизнес. Я хотел доказать ему, что тоже могу стать успешным. У меня нет артистической жилки, мой единственный талант – создание бизнеса. По иронии судьбы, мой отец не испытывает уважения к бизнесу, он считает всех нас мошенниками, потому что наша работа не способна обогатить мир.

– Печально. – Она обратила к нему свои зеленые, как мох, глаза, в которых светилось сострадание. – Вы так успешны. Ваш отец должен гордиться вами.

– Хорошо бы кто-нибудь сказал ему об этом. – Внезапно Себ почувствовал себя очень уязвимым, беззащитным, ранимым. И спросил себя: а что заставило его поделиться этим с ней? Обычно он никогда и никому не выдавал своих слабостей. Что такое с ним происходит? Это заставило его почувствовать легкое смущение. Затем он вспомнил их любовные ласки и понял, что она все еще прячется от него, возможно, даже обманывает его. Тогда ему нужно улыбнуться – она скрупулезно отыграла свою роль Шехерезады и что-то утаила, заставляя его желать большего. Этим вечером по дороге сюда он думал о ней, как делал это уже достаточно долгое время, ожидая их свидания. Он хотел максимума. Он хотел, чтобы

она полностью отдалась ему. Французы называли оргазм, этот завершающий дар себя другому человеку, «маленькой смертью». Он хотел, чтобы она дала ему этот приз, доверилась ему настолько, чтобы полностью принести себя ему в то время, когда они были вместе единым целым, пока он был в ней. И вот она полностью сосредоточилась на его удовольствии. Она знала, что делала, когда неслась на нем к финалу. Она была здесь, лежала рядом с ним, с концертом и обжигающе эмоциональной музыкой, возвышенной в своей красоте, и этот приз она от него утаила. Как Шехерезада, она оставила его на самом интересном месте, заставив желать большего. Внезапно его мозг пронзила цитата Шекспира. Он не вспоминал ее со школьных дней, но это были слова о Клеопатре, и теперь он не мог не думать, что никогда не встретит больше женщину, подобную этой: «Над ней не властны годы, и не прискучит ее разнообразие вовек». Возможно, с восхищением подумал Себ, он встретил единственную женщину, которая могла удержать его интерес. Эта мысль одновременно взволновала и испугала его.

Глава 6

Бриз старательно избегала встреч с Себом на работе. В компании применялась система «горячих столов»[4], поэтому даже при том, что у нее был собственный кабинет, она могла работать в любом месте, где ей хотелось. Она была изумлена тем, что Себ не уволил ее в ту же минуту, когда обнаружил, что она обворовывает его, но, очевидно, он знал, что на самом деле подцепил ее на крючок, достаточный, чтобы она больше не пыталась делать что-либо противозаконное. Во время обеденного перерыва, вместо того чтобы есть за рабочим столом, что она делала раньше, до того рокового дня, она взяла за правило обедать за пределами здания, в одном из многочисленных кафе неподалеку.

Она любила Лондонский Сити, район, в котором история сочилась даже из трещинок в тротуаре. Она могла ходить по тем же улицам, по которым ходил Пипс[5], видеть своими глазами то место, откуда начался Великий пожар[6], и поражаться красоте зданий, спроектированных Реном, архитектором, построившим собор Св. Павла. Эти шедевры перемежались современными конструкциями, которые производили огромное впечатление, такими, например, как Корнишон[7], который всегда напоминал Бриз массивную сигару, так дерзко вздымающуюся из земли и пропарывающую горизонт, что ее было видно даже из окна ее спальни в доме, расположенном высоко на холмах Кристал Пэлас[8]. Иногда в ясный день она поднималась на лифте до верхнего этажа небоскреба, где располагалась штаб-квартира Себа, откуда могла смотреть в направлении дома, который так много значил для нее. Ее успокаивала возможность смотреть на холмы Кристал Пэлас и думать о матери, которая сейчас сидит и читает в замечательной старой оранжерее, которая была восстановлена благодаря предыдущему жульничеству Бриз. Ее сестра выращивала там орхидеи, прекрасные в своей симметрии. Ее мать заслужила этот комфорт, особенно после того, как одна воспитала двух девочек, защищая их от последствий опрометчивой азартной игры их отца.

Бриз смухлевала уже в дюжине мест, тщательно отбирая временную работу, перехватывая тысячу здесь, тысячу пятьсот там. Доила фирмы она достаточно аккуратно, и ее никогда не обнаруживали. Каждый раз ей удавалось найти деньги, чтобы восстановить крышу или починить подъемное окно. Мать и сестра были ей благодарны и восхищались ею. Внезапно она ощутила болезненный приступ вины, но отогнала его. Она была единственной кормилицей в доме, который пострадал от страшного пренебрежения ее отца. Крала она только тогда, когда в этом возникала жесткая необходимость, чтобы избежать разрушения их домашнего очага, и всегда ей удавалось выйти сухой из воды. Но теперь, с Себом, она чувствовала, что ловушка захлопнулась. На нее нахлынуло негодование, но при этом она также ощутила что-то вроде уважения. Мало того, что он очень хорошо знал все дела своей компании, но и сумел создать для нее столь хитроумную ловушку. Они оба были находчивы и стоили друг друга, и она уважала его, как хитрая лиса, восхищающаяся тактикой лисы-

---

[4] Система организации работы, при которой одно и то же рабочее место используется несколькими сотрудниками, приходящими на работу в разное время.

[5] Пипс, Сэмюэл (1633—1703) – английский писатель, наибольшую известность которому принесли его дневники. Присутствовал на многих спектаклях по пьесам Шекспира с 1660 по 1669 г. В его библиотеке есть рукописная партитура к монологу Гамлета «Быть или не быть», возможно, сочиненная для Пипса его учителем музыки Чезаре Морелли.

[6] Большой (Великий) пожар в Лондоне – название пожара, охватившего центральные районы Лондона с воскресенья, 2 сентября, по среду, 5 сентября, 1666 года. Огню подверглась территория Лондонского Сити внутри древней римской городской стены. В пожаре сгорело 13 500 домов, 87 приходских церквей, большая часть правительственных зданий.

[7] 40-этажный небоскреб, первоначально известный как здание Swiss Re, поскольку являлся штаб-квартирой компании «Swiss Re». Позже его переименовали в честь названия улицы Сент-Мэри Экс: Сент-Мэри Экс 30 или Башня Мэри-Экс, 30.

[8] Квартал Лондона.

конкурентки, так что допускала скрытое восхищение человеком, который сумел заманить ее в ловушку.

Бриз шла по улице, двигаясь в сторону Ямайкского винного дома в переулке Св. Михаила, построенного в 1652 году. Она любила это место с переборками из красного дерева, разделяющими зал на маленькие кабинеты, где она могла посидеть, не видимая никем, и выпить кофе. Во время ланча это было равносильно самоубийству, но позже можно было спокойно поужинать в отдельной кабинке. Она заказала свой кофе и, когда ждала его у барной стойки, заметила, как Ричард Уотерс, помощник Себа, прошмыгнул в одну из кабинок, осматриваясь вокруг, как крыса, до смерти боящаяся кошки. Ричард ей никогда не нравился. Он старался во всем походить на Себа и ловить каждое сказанное им слово – как нищий, который пытается урвать хотя бы корку со стола короля.

Он подлизывался и юлил, выстраивая себе путь наверх по карьерной лестнице, и до нее доходили слухи о том, как он расправлялся со всеми, кто попадался ему на этом пути. Она не считала это правильным, потому что вы можете столкнуться с этими же людьми, когда полетите вниз. Себастьян Дарк был умен и быстр, но он не мог уследить за каждым сотрудником компании, и Бриз подозревала, что душа Ричарда, которую он старательно скрывал от посторонних глаз, была черна, как ночь.

Когда краем глаза она заметила округлую фигуру мистера Ванхоффера, совсем недавно побежденного Себастьяном Дарком, у нее внезапно возникло острое желание знать, о чем будут сговариваться Ричард Уотерс и мистер Ванхоффер в темноте ресторанной кабинки. Она взяла свой кофе и тихо проскользнула в соседнюю.

– Так у вас есть для меня информация, верно? – спросил мистер Ванхоффер.

– Совершенно верно. Мы же именно об этом договаривались, разве нет? Как только дело будет сделано и вы станете, как говорите, управляющим директором в вашей новой компании, я дам вам возможность обрушить цены на акции Себастьяна Дарка. Когда все будет сделано, его компания будет лишь тенью того, чем она является сейчас. Но никто не должен знать, откуда поступила эта информация. Это вы мне можете обещать? – голос Ричарда сочился ядом.

– Можете положиться на меня. Я хочу увидеть, как Дарк рухнет, а вы встанете во главе компании вместо того, чтобы занимать второстепенное положение при этом ублюдке. Это – сделка, заключенная на небесах.

Бриз вытянула шею, стараясь разобрать, о чем они говорят, но ее план был нарушен приходом большой шумной группы посетителей, праздновавших день рождения. Их разговоры заглушили беседу, которую она подслушивала. Расстроенная, она выскользнула через черный ход и, обойдя здание, вернулась к парадному входу. Приблизительно через десять минут мистер Ванхоффер вышел один и двинулся вниз по улице. Это дало ей шанс. Убедившись, что ее макияж в полном порядке, она опустила волосы на один глаз, расстегнула верхнюю пуговицу и снова вошла в Ямайский винный дом, промокая глаза платком. Ричард был в баре – там, где она и рассчитывала его найти, он заказал бутылку шампанского – без сомнения, для того, чтобы единолично отпраздновать свой успех.

– Эй, Бриз, – его взгляд сконцентрировался на ней, как самонаводящаяся ракета. – Как дела?

Ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы выдать ему сказочку о том, насколько Себ скуп, как он раскритиковал отчет, который она написала, отчего заставил ее разрыдаться, и как она ненавидит его от всей души. Как она и ожидала, Ричард проглотил это вместе с тремя четвертями бутылки шампанского. Чем больше он пил, тем больше раскрывал свое предательство. Она видела, что он уже совсем хорош, но продолжала снова и снова наполнять его бокал и даже заказала еще одну бутылку, из которой сама выпила только один бокал. Когда же она дала ему возможность полюбоваться зрелищем своей полной груди и провела

рукой по бедру Ричарда, он почти сразу же предложил оплатить гостиничный номер для них двоих, чтобы приятно провести время вечером.

– Я мечтал о тебе в течение многих месяцев, ты п'нмаешь.

– Я тоже. – Бриз взяла с собой бутылку шампанского. Ее полные, сочные губы лукаво изогнулись. – Все без конца говорят о том, как хорошо выглядит Себ, но мне всегда казалось, что ты намного интереснее. – К тому времени, когда они добрались до комнаты, Ричард едва мог стоять на ногах. Он почти висел на ней. Она проворно выскользнула у него из рук, послав ему свою лучшую улыбку. – Давай просто еще немного выпьем шампанского, а затем можешь посмотреть, как я раздеваюсь.

Она думала, у него глаза вылезут на лоб, когда он залпом выдул еще один бокал и даже высунул язык, откинувшись на кровати и наблюдая, как она расстегивает пуговицы на блузке.

– Теперь, – она поощрительно улыбнулась ему, – что это вы говорили об этом мерзавце Себе?

– О боже, не говори мне, что ты собираешься произносить ругательства. Мне нравятся ругательства.

– Я могу ругаться так грязно, как тебе захочется. – Она сделала крошечный глоток из бутылки, затем передала ее ему и проследила, как он глотает все, что там было, так, как будто это минеральная вода. – Но сначала я хочу услышать, как вы обработали Себа. Ну, расскажи.

– Мы собираемся сделать его через три недели. Всего через три недели мы сделаем так, что чертов Себастьян Дарк окажется в дерьме по самые уши. – Ричард дьявольски рассмеялся.

Бриз слушала очень внимательно, ее острая слуховая и зрительная память фиксировала все до мельчайших деталей. Ей не потребовалось много времени, чтобы понять, что собирается сделать Ричард. Она только-только перешла к нижнему белью, когда Ричард, сделав неуверенный шаг по направлению к ней, рухнул на пол. Он ударился о ночной столик и потерял сознание. Она присмотрелась к нему – он лежал как слизняк, источающий аромат предательства, и храпел, как свинья. Она встала на колени и внимательно осмотрела его затылок. Крови не было. Он выживет, только, когда очнется, у него будет зверски болеть голова. Это было именно то, что она предполагала – инсайдерные торговые операции с ценными бумагами[9]. Бриз быстро оделась и покинула гостиничный номер. Ричард намеревался стать незаконными глазами и ушами г-на Ванхоффера, помогая ему повергнуть Себастьяна. Она испытала внезапное чувство восторга. В конце концов, разве она не хотела увидеть, как человек, который заманил ее в ловушку, кто фактически развратил ее для своего развлечения и удовольствия, потерпит крах и рухнет? Но восторг ее был недолгим и сменился чувством несправедливости, которое она ощутила, когда узнала о том, что они намереваются провернуть. Она долгое время воровала крохи у могущественных компаний, удирала с ними и почти не чувствовала, что поступает неправильно. Пока Себастьян не поймал ее.

Бриз медленно, колеблясь и сомневаясь, вернулась в офис, в огромное здание Себастьяна, хрустальную башню его богатства и власти. Она посмотрела на его большой портрет, который каждое утро встречал работников у входа. Впервые войдя в это здание, она была преисполнена благоговейного страха перед его внешностью победителя. Решительная линия подбородка, четкие линии лица, выражение глаз человека, смотрящего серьезно с высот его гигантского бизнеса, – все это оставило ее равнодушной к тому, кто находится так высоко. Затем, когда он заманил ее в ловушку, она начала яростно ненавидеть его, однако потом увидела этого человека совсем с другой стороны. Она увидела уязвимость в его чер-

[9] Незаконные операции с ценными бумагами на основе внутренней информации о деятельности компании-эмитента.

ных глазах и потрясающее одиночество этого неправдоподобно богатого и успешного мужчины, которое он никогда не показывает посторонним.

Впервые Бриз оказалась в столь затруднительном положении. Одно слово Себастьяну, и она могла спасти его. Если она ничего не скажет, то он обанкротится, и вся его власть над нею исчезнет. Необходимо принять совсем простое решение. И все же, когда она села за свой компьютер, чтобы заняться текущей работой, которая принесет Себастьяну Дарку еще больше денег, она внезапно поняла, что не знает, как ей поступить. С тех пор как тем памятным вечером он бросил ей вызов, уверенность ушла из жизни Бриз. Проклятие. Проклятый Себ Дарк. Позволить Ричарду и г-ну Ванхофферу свалить его с пьедестала. Ей-то что за дело? Он мог засадить ее в тюрьму. Он должен гнить в аду за то, что подвергнул опасности ее семью, ради которой она трудилась так упорно. Пусть так и будет. Решение принято. Ей нужно только продумать еще два вечера, заполненные сексом, – ведь, конечно, это же просто секс и ничего больше, – ей надо было не давать Себу действовать еще некоторое время, а потом у него будут другие, намного более важные, дела, чем она. Он будет бороться за свой бизнес, как тонущий цепляется за обломки разбитого корабля, и ей не терпелось это увидеть.

Глава 7

– Так куда мы отправимся на сей раз? – устроившись рядом с Себом в его Aston Martin DB9, Бриз почувствовала болезненный укол вины. Сегодня вечером он выглядел совершенно счастливым, счастливым от того, что сидит рядом с ней. – Или, вернее, куда мне вас отвезти, поскольку именно я сейчас за рулем?

– В клуб «Чарльтон», Сент-Джеймс-стрит, рядом с Пикадилли, пожалуйста.

Он забрал ее возле офиса и повел тихо мурлычащий автомобиль по городу.

– Сегодня вечером вы выглядите просто невероятно, Бриз. У вас изменился цвет волос – они стали темнее, верно? Вам очень идет. Я готов поручиться, что это ближе к вашему естественному цвету. И ваш костюм сногсшибателен – он кажется существующим вне времени.

Когда она села рядом с ним, ее охватил жар, сконцентрировавшийся внизу живота. Она улыбнулась – он оказался весьма наблюдательным.

– Вы правы, этот костюм был на моей матери на ее свадьбе в 50-х годах. Это подлинный костюм от Шанель.

– Хм… женщина со вкусом. И он выглядит на вас сегодня столь же невероятно, как на ней тогда, я уверен.

Она пригладила слегка расширяющуюся юбку, которая скромно облегала ее бедра, затянутые в чулки, и расстегнула пуговицы на жакете, который заставлял ее чувствовать себя одновременно как Лорен Бэколл и Одри Хепберн. Белая батистовая блузка, почти прозрачная, бросала вызов строгим линиям костюма, делая его очень сексуальным. Жемчуг, переливающийся у нее на шее, соседствовал с небольшим сердечком, подаренным ей Саммер. Она не собиралась говорить Себу, что угрохала все свои доступные наличные деньги на вечерний наряд, который был на ней в Альберт-холле. Что у нее не было никакого другого «шикарного» выходного платья, что у нее в шкафу висела в основном офисная одежда. Что этот костюм и жемчуг, который был подарен матери ее дедушкой, были последними вещами, которые мать сохранила, чтобы продать в случае, если они действительно будут испытывать нужду. Бриз никогда не позволила бы ей расстаться с этими сокровищами. Они остались как память о более счастливых временах, до того, как отец почти разорил семью. Бриз никогда не позволила бы им снова ощутить себя на грани пропасти, как это было тогда.

– Этот вид соответствует месту, куда мы идем. Для клуба «Чарльтон» требуется нечто скромное, но высококлассное, такое, что приличествует известному клубу.

– Я впечатлен, – притягательные губы Себа растянулись в улыбке. – Пять минут после поворота у Букингемского дворца, недалеко от «Ритца». Я посещал его однажды. Я управляю благотворительным фондом, который выделяет миллионы предпринимателям-подросткам из неблагополучных семей, и был там на обеде, чтобы польстить богатеям и заставить их отдать часть своих не так уж тяжко заработанных наличных. Они смотрели свысока на человека, достигшего всего самостоятельно. Прийти туда с вами – отличный способ немного сбить с них спесь.

– Превосходно. – Бриз погладила кожу сиденья. Себ был окружен роскошью, он был проницателен, и она долго думала, куда повести его в следующий раз. Она несколько смутилась, услышав, как он говорит о передаче денег на благотворительность. Он сказал об этом мельком, как будто это не имело значения. Раньше он не упоминал об этом, и она почувствовала к нему сдержанное уважение за то, что он не трезвонил об этом повсюду, как сделало бы большинство богатых людей. Она подумала обо всех своих несбывшихся надеждах в то время, когда была подростком, о фирмах, которые она бы открыла, если бы только ей оказали

небольшую помощь, и о линии его подбородка, которая казалась ей такой резкой, а сейчас смягчившейся прямо у нее на глазах.

– Но разве туда могут пройти не члены клуба? – спросил Себ после небольшой паузы.

– Верно.

– Так вы – член клуба? – Он с сомнением посмотрел на нее: члены этого клуба сплошь были адвокатами, промышленными магнатами, членами парламента, великими и полезнейшими членами общества, хотя, по правде говоря, многие из них были далеко не столь велики и полезны, как казались.

– Не совсем, но я знаю, как туда войти. Доверьтесь мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.